

ваются каждый раз после мятежа в краевые угольные камни новой государственности. Таким для него и было поле Куликово — торжеством мятежа, а не началом нового государства. За грань победы он заглядывать не хотел. Он романтик и здесь. Реалистом же был Пушкин — «не приведи бог видеть русский бунт — бессмысленный и беспощадный». Идеальный герой Пушкина, с моей точки зрения, — Петр, создатель новой России. Пушкин поддерживает дух петровской государственности:

**В надежде славы и добра  
Гляжу вперед я без боязни:  
Начало славных дней Петра  
Мрачили мятежи и казни.**

Стихию мятежа Пушкин по сравнению с Блоком изучал более как историк и философ, нежели как поэт; ее подземный гул он свел к шепоту чиновника Евгения: «Добро, строитель чудотворный!». Но ко времени Блока петровская государственность обветшала, и, разрушая ее, народные силы перетекали за два столетия со строительных лесов под знамена мятежа.

Как закономерно и загадочно высятся, отбрасывая громадные тени, четыре фигуры на шестисотлетнем пути нашей истории! В начале чудотворный мятежник — князь Дмитрий Донской. В конце пути — мятежник поэт, воспевавший «чуждую битву». А в

центре, словно бы для равновесия, два чудотворных строителя — Петр и Пушкин. Пушкин — духовная ипостась Петра. Блок — лирическая ипостась Дмитрия Донского.

Вот почему Блок обратился к Куликовской битве, а не к Полтавской и не к Бородинской. Вот почему взгляд его через памятник Фалконе скользил в иные времена, к просторам Задонщины, пахнущим гарью, кровью, железом. И в начале XX столетия средневековая стихия стала родственна душе русского гения. В Куликовской битве было нечто от революции, она была замешана не только на национальном освобождении, но и на национальном духовном преображении. Вот почему Александр Блок в 1908 году, в межреволюционное время, потянулся душой именно к этой легенде.



Дмитрий Донской умер молодым. После куликовского триумфа его княжение было неудачным, словно бы все его силы были оставлены в прекрасный и героический день юности князя на том осеннем, утром серебряном от тяжелой росы, а вечером кровавом поле, словно бы он надорвался в самый высокий и победный миг мятежа. Перенапряг свои силы в такие же роко-

вые минуты и его потомок по духу — Александр Блок. Он знал, что это случится. Недаром цикл «На поле Куликовом» полон не только жажды мятежа и веры в победу, но и предчувствия неизбежной гибели как расплаты за нее.

«Светлый стяг над нашими полками не взиграет больше никогда», «за святое дело мертвым лечь», «теперь твой час настал. — Молись!» Наверное, такие чувства владела каждым, кто стоял, сжимая мечи и копья, глядя на ряды врагов, до которых было рукой подать в последние мгновения перед боем. Сейчас двинется войско на войско — и те, кто идет первым, повалятся на окровавленную траву. Это знали все — от великого князя до безымянного воина.

**Оп-ля-а-ать над по-о-лем**

**Кулико-о-о-о-вым  
Взошла-а-а и р-а-сточил-а-сь мгла-а-а,  
И, слов-н-о о-о-бл-а-к-о-о-м сур-о-о-вым,  
Гряд-у-ущий день з-а-в-о-л-о-о-ил-а-а.**

Разве не слышится в этих раскатах гласных восторга, ярости и самозабвения, когда с открытыми ртами, наполненными ветром и ратным кличем, сливающимся в одно сплошное «а-а!», воины на лошадях несутся навстречу гибели и славе! Но «а-а!» сменяется «о-о!», и тогда в этот новый звукоряд словно бы влетает траурный

звон колоколов, скорбно сзывающих людей всея Руси на неслыханную доселе панихиду.

...Однажды осенью, прогуливаясь по сырым улицам старой Калуги, я проходил мимо знакомой с детства Георгиевской церкви. Бывая в родном городе, я всегда люблю ее белокаменным станом, литой чугунной оградой, стремительно уходящей в небо колокольней. В церкви шла вечерняя служба — «Дмитриева родительская суббота»...

Шестьсот лет тому назад, со времен Куликовской битвы, решено было в последнюю субботу октября вершить эту славную тризну до тех пор, «пока стоит Россия». Служба эта есть дальнейшее эхо скорби матерей и отцов по сыновьям, павшим в «чуждой битве». В память о них, именитых и безымянных, зажигаются поминальные свечи. Одну из этих свечей при некоторой доле поэтического воображения вполне можно ставить за помин души «князя Александра», который нашел в себе силы, услышав гул своей Куликовской битвы — революции, выйти навстречу бессмертию в одежде простого ратника.

**Не может сердце жить покоем,  
Недаром тучи собрались.  
Доспех тяжел, как перед боем.  
Теперь твой час настал. — Молись!**